

Интервью
УДК 130.2
<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-1-37-154-160>

Философия как действие: интервью

Борис Братина

Министерство информации и телекоммуникаций, Белград, Сербия
bokibor@yahoo.com <https://orcid.org/0000-0002-6669-6122>

Аннотация. В своём интервью нашему журналу известный сербский философ доктор Борис Братина, ныне занимающий высокую должность министра в Правительстве Сербии, поделился своим **видением** перспектив философского образования в Сербии и в мире. Философия не может ограничиться рамками университетской аудитории, поскольку для её существования крайне важна атмосфера свободной дискуссии. Со времён Сократа этот признак философского творчества был концептуализирован, как «выход на улицу». Сегодня такое «хождение в народ» необходимо прежде всего самой философии, которая под влиянием «холодных медиа» теряет свою ориентации на истину, приобретает черты сервильности и начётничества. Апогеем этой тенденции становится прагматизация отношения философов и общества в целом к занятиям философией, которую доктор Братина связывает с аналитической традицией. Однако сугубо утилитарное отношение к истине не позволяет построить корректные отношения с ней. Именно поэтому, полагает он, так мощно заявляет о себе сегодня становящаяся философия не-западного мира. В данной связи должен быть переосмыслен «расизм», свойственный западной философии, который, по мнению сербского философа, концентрируется в психологизации философствования, в поиске «неисторических народов» и евроцентризме. Сова Минервы, как известно, вылетает в сумерках. Этот гегелевский образ очень точно выявляет значение философской рефлексии как ключевой черты философии. Отвечая на вопрос о преемственности философского знания, Борис Братина не настаивал на исключительно несистемном характере «настоящей» философии. Университетский профессор может быть не только преподавателем, но и настоящим философом. Говоря о своём друге и учителе, Михайло Марковиче, он акцентировал участие последнего в политической жизни именно как прежде всего философа, то есть человека, чья жизнь посвящена поиску ответов на вопросы об истине. Эта практическая ориентированность философии позволяет самому доктору Братине реализовывать себя на высокой административно-организационной должности, не теряя своего философского призвания. В конечно итоге, философия может существовать только как свободная рефлексия. Что неизбежно делает её способной к деятельному изменению мира и человека.

Для цитирования: Братина Б. Философия как действие: интервью // Концепт: философия, религия, культура. — 2026. — Т. 10, № 1. — С. 154–160. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-1-37-154-160>

© Братина Б., 2026

Interview

Philosophy as Action: Interview

Boris Bratina

Ministry of Information and Telecommunications, Belgrade, Serbia

bokibor@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-6669-6122>

Abstract. In an interview with our journal Dr. Boris Bratina, a prominent Serbian philosopher who currently serves as a minister in the Government of Serbia, shared his vision of the prospects of philosophical education in Serbia and worldwide. Philosophy cannot be confined to university lecture halls, as an atmosphere free of debate is vital for its very existence. Since Socrates, this aspect of philosophical work has been conceptualized as ‘going to the people’ or speaking to people in the streets. Today, this practice is necessary primarily for philosophy itself, which, under the influence of ‘cold media,’ is losing its orientation toward truth and acquiring features of servility and dogmatic pedantry. The apogee of the trend is the extreme pragmatization of the relationship between philosophy and society, which Bratina links to the analytical tradition. However, reducing truth to its utilitarian qualities is neither adequate nor sustainable. Bratina notes that this is why non-Western philosophy is reasserting itself so powerfully today. In this context, Western discrimination, including its psychologization of philosophy, the search for ‘non-historic’ nations, and Eurocentrism, must be critically rethought. As is well known, Minerva’s owl flies only at dusk. This Hegelian image perfectly captures the significance of philosophical reflection as the key feature of philosophy. Responding to a question on the continuity of philosophical knowledge, Bratina did not insist on the exclusively *non-systemic* character of genuine philosophy. A university professor can be not only a teacher but also a true philosopher. Speaking of his friend and teacher, Mihailo Marković, he emphasized the latter’s involvement in political life as, first and foremost, a philosopher—that is, a person whose life is dedicated to the search for truth. This practical orientation of philosophy allows Bratina to realize himself in a high-ranking administrative and organizational position without losing his philosophical calling. Ultimately, philosophy can exist only as free reflection, which inevitably makes it capable of actively changing the world and humankind.

For citation: Bratina, B. (2026) ‘Philosophy as Action: Interview’, *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 10(1), pp. 154–160. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-1-37-154-160>

Уважаемый профессор, доктор Братина, разрешите поблагодарить за согласие выделить время для интервью, несмотря на Ваш плотный график. Хотелось бы начать нашу беседу с вопроса о философии. Насколько я знаю, в университетах Сербии преподавание этой дисциплины и в самые трудные времена велось на высоком уровне;

всегда были доступны философские тексты, велись активные дискуссии. Насколько, по Вашему мнению, эти традиции сильны сегодня?

Нам, как и всем философам, необходимо следовать за истиной. Что, если я скажу Вам, что сейчас в Белградском университете можно закончить философский факультет,

не читая ни Платона, ни Аристотеля?.. Потому, что у нас сильно влияние американцев, для которых «философия» равно «прагматизм» в обыденном смысле этого слова. А аналитическая философия предстаёт как высшая форма достижения прагматически корректных результатов... К сожалению, даже мои друзья, талант которых я высоко ценю, могут сказать на лекции, что настоящая философия началась лет сто назад. Что из этого может получиться, иллюстрирует следующий факт: в 2025 г. в Белградском университете было выделено 60 мест для студентов, изучающих философию. А заполнено — только 20 из них. Трудно представить себе более чёткий сигнал о нежелании заниматься вместо философии математикой и формальной логикой, к которым сводит философию аналитическая традиция. Полагаю, если факультет называется философским, здесь должны изучать прежде всего философию. Значит, надо немножко учиться древнегреческому, надо читать античных авторов, читать неоплатоников, надо читать всё, чтобы поставить серьёзную философскую оптику на историко-философском материале, а не на его редуцированной имитации. И да, как человек, который 10 лет участвовал в проекте «История сербской философии», могу сказать: мы пока ещё преимущественно народ литературный, и меньше — философский. Сейчас как раз идёт активная работа по становлению сербской философии, поэтому так важно не терять уровень университетского образования в этой области.

Тогда как бы Вы определили, что такое философия, какова её роль в культуре?

Философия — рефлексивная дисциплина мышления. Но философы — не просто «кадры», но люди, готовые проживать свою философию, искать правду и истину. Мне такой подход ближе, чем «философская математика». Правду сказать, я люблю математику, моё базовое образование связано с математикой и физикой; можно сказать, я пришёл в философию из этой области. Но одного знания математики, как и любого другого формализованного языка (например, логики), для занятий

философией недостаточно. Во-первых, потому что философия тесно связана с естественным языком, который нельзя свести ни к математике, ни к логике. Хотя, разумеется, существует философия математики, философия естественных и технических наук и так далее. Но это совсем другой вопрос и реально успешных исследований в этой области, на мой взгляд, не очень много. Во-вторых, существует внутренняя логика самой науки. Тот, что привык думать, как математик, с трудом учится философской дискуссии. В том числе потому, что философия требует медленного погружения. Это «тяжёлое» знание, самое тяжёлое из всех наук.

В том числе и потому, что философия — это трансцендентальный фундамент всего знания, его теоретическая основа; все остальные дисциплины выведены из философии. Если сейчас отнять у них философскую основу, они начнут рассыпаться. К примеру, если из социологии убрать математику и статистику, что останется?.. Только нарратив. Если из психологии убрать экспериментальную естественнонаучную базу, математику и статистику, что останется?.. Только нарратив. То же самое можно сказать о педагогике и других дисциплинах. Так что да, наука в общем смысле — это философия. Трудно не согласиться с Гегелем, который в «Большой логике», апробировал эту кантовскую идею о науке как трансцендентальной основе знания. Или возьмём, например, четыре закона Исаака Ньютона: закон инерции, закон силы, законы действия и противодействия и гравитационный закон. Тут нет никаких доказательств, всё это постулаты, которые невозможно доказать. Философия природы Ньютона — это философия, высказанная математическим образом. Вообще XVII в. — лучший век европейской философии. Он ориентирует на знание принципов, похожим образом кстати это происходит на переднем крае теоретической физики. Скажем, современная теория суперструн говорит, что есть девять координат Вселенной. Знаете, как это объясняет Хокинг? Было девять, но Большой Взрыв был такой силы, что шесть измерений «втянулись» в себя. Поэтому сейчас мы видим только три. Что это, если не принцип?

Победа утилитарного отношения к философии, захватившая многие умы в наше время, стала возможна, когда общество сделало ставку на достижение с её помощью каких-то конкретных целей. С развитием индустрии вещи сделались для нас слишком простыми. При таком подходе трудно устоять перед софистическим отождествлением истины с тем, что полезно: мне, группе лиц или абстрактному «обществу вообще». В результате мы имеем гиперпродукцию технологии и угрозу развала науки.

Чтобы человек не поймался на удочку утилитаризма, стоит давать ему возможность думать и самостоятельно рассуждать не только в университете, но гораздо раньше. Вопросы о ценностях, об этике поздно начинать обсуждать со студентом в его 18–19 лет. Ребёнок в 9–10 лет уже понимает, что хорошо, что плохо, он, если хотите, остро нуждается в философии — ведь именно философия развивает ум. Если на эту нужду человека не откликнуться вовремя, мы получаем «брошенную этику», которую больше никто не уважает.

Вернусь к тому, о чём говорил. Многие философы сделали что-то в математике, взять того же Пифагора. Но много ли математиков сделали что-то важное в философии? Может быть разве что Алан Бадью, который на самом деле математик. Энциклопедизм философов прошлого делал их пригодными для решения научных задач более узкого профиля. Ньютон, Декарт, Паскаль, Лейбниц... Вклад, который каждый из них внёс в математику и естествознание, трудно переоценить. Но главным делом их жизни была именно философия. Тот же Декарт — великий философ, который фактически придумал современную медицину, рассмотрев тело человека как систему потоков и цепей последовательности. А заодно придумал аналитическую геометрию и *cogito ergo sum*, последнюю истину, которой мы можем держаться. Сегодня нам, кажется, только это и осталось.

Сегодня популярна точка зрения, что философия — это прежде всего оптики; не эссенциалистские модели, а определён-

ный (может быть, и не научный, а, скажем, необычный или просто удивляющийся) взгляд на мир. Согласны ли Вы с этим?

Знаете, ещё Фихте говорил: скажи мне, какую ты философию исповедуешь, а я тебе скажу, какой ты человек. Это вовсе не значит, что философия даёт некий общий взгляд, который потом можно будет сузить и приложить к чему-то «конкретному». Цель философии — истина. Так что победа аналитической философии во второй половине XX в. — это победа политическая, а не философская; победа сильной Америки, а не истины как таковой.

В результате об истине не просто молчат. О ней не хотят знать. И философия в стенах университетов живёт как в тюрьме. С кем разговаривают философы, которые работают в университете? Только со своими студентами или коллегами. Кто ещё знает их идеи? Никто. Они называют себя интеллектуалами. Но есть три условия, которым нужно соответствовать, чтобы быть интеллектуалом: быть хорошим экспертом, свободно ориентироваться в своей области знания, и, наконец, необходима социальная ответственность, ангажированность. Если мы оглянемся вокруг, то обнаружим, что и здесь, в Сербии, и в России, и в Америке интеллектуалов в том смысле, как их понимает современная философия, совсем немного. Много тех, кто образован, закончил университет. Эксперты, которые не выходят за рамки строго очерченной области, где властвуют алгоритмизированные ответы; они не готовы искать ответ на вопросы «со звёздочкой» и не имеют никакой социальной ангажированности.

Отучившись и получив степени, они идут работать в университеты, там пишут книги, которые никто не читает, и общаются через интернет в своём тесном высоко специализированном кругу. Их разговоры не интересны большинству людей, поэтому их не будет слушать, а значит, и слышать. Но для того, чтобы философия состоялась, философ должен быть немножечко Сократом, «сходить в народ», поговорить с людьми. Если задача философии — поиск истины, избежать этого пути не получится, потому что философ не может удовлетвориться уже

найденным, сказанным. Знаете, разговор об отношении Левинаса к Лакану, Юма к Джону Стюарту Миллю и прочие узкоспециальные вещи могут быть кому-то технически интересны, но ничего по-настоящему нового такие разговоры не приносят.

В прагматично-утилитарном современном мире, который стремится выкроить себя по западным стандартам, философии нет места ещё и потому, что модераторы властных стратегий прекрасно знают: она опасна для закрытых общественных систем, поскольку не боится ставить вопросы. Государствам, где царствуют установки жёсткой социальной прагматики, удобно держать философов в университете, чтобы они не ходили со своими вопросами по улицам, не смущали народ. Такие общества гнетёт страх перед незапланированной революцией знания, революцией рефлексии. Значительно проще иметь дело с философской аналитикой — вот там вам данные, данные, данные, и потом вот вам формальная логика; на этой основе вы можете сделать выводы, написать своё исследование и даже опубликовать его в хорошем журнале. Но так функционирует компьютер, а философия так не функционирует.

И что, по Вашему у аналитической философии нет будущего в прекрасном сократическом диалоге, вышедшем на улицу и спасающем мир?

Знаете, Гегель хорошо сказал: разумное — действительно, действительное — разумно. Прагматизм появился не потому, что в «старой» философии всё было хорошо. Он появился, потому что она что-то потеряла. Предполагаю, что она потеряла связь с истиной.

После немецкой классической философии наступает явный кризис. Керкегор, Ясперс... усталая философия, бьющаяся в противоречиях мёртвая мысль... Она больше не любит истину, она разочарована и разочаровывает. И что с этим делать? Не огорчаться и помнить, что свет не сошёл с клином на Западном мире. Вспомним сову Минервы. Она вылетает в сумерки. Перед ней всё, что произошло в этот день, но — серым по серому. И это помимо прочего

значит, что не нужно не только умножать, не нужно также ограничивать сущности без необходимости. Возможно, сейчас рано говорить, что западная философия совсем пропала. Но ясно, что новая философская волна будет всё более активно идти из других частей мира. Может, она и не будет пока такой сильной, как в Европе или Северной Америке, но она обязательно будет.

В Африке, Латинской Америке, в России сегодня есть большие философы, только о них не так много знают и ещё меньше говорят. И это сейчас, когда за каждые десять лет философских текстов производится больше, чем за всю историю философии.

В чём мы, философы, действительно виноваты, так это в том, что ждали столько лет, — вместо того, чтобы активно поднимать вопрос о расизме в философии. Вот на Западе принято считать, что коммунизм — это Китай, Россия, Сербия и т.д. Но ведь коммунизм — это типичная западная идея, рождённая на Западе и для Запада. Тот же Маркс вслед за Гегелем пишет о неисторических народах, варварах и полуварварах. Эта оценка касается не-Запада, и больше похожа не на поиск истины, а на болезненную страсть говорить другим, что они плохие, что у них нет шансов, что они не могут ничего. И да, тема расовой исключительности не была чужда древним грекам, как и философам XX и XXI вв. — немецким, французским, можно и дальше перечислять. Перечислять не для того, чтобы кого-то обвинять, а для того, чтобы подумать: откуда идёт это желание доминировать, прикрываясь разговорами о стремлении к истине? Это важный вопрос, важный не только для философии, но и для судеб культуры.

Для того, чтобы разобраться в этих болезненных процессах, как Вы считаете: полноценная дискуссия с гениями прошлого для современного человека всё-таки важна? Или из пространства дискуссий прошлого нельзя выпрыгнуть на новые вопросы?

Точно, философия на самом деле — это не профессия, это вызов. Если вы чувствуете какой-то вызов, вы не будете гордиться: «я — философ!». Мы знаем, кто Философ:

Аристотель философ. В любви к мудрости есть много страсти и много жертвы. Чтобы обычные люди стали обсуждать с нами эти темы, мы должны иметь возможность повышать и свою культуру рефлексии, то есть учиться философии.

Мне кажется, если не с 1945-го г., то по крайней мере с 1980-х гг., мы живём в каком-то состоянии антипросветительства. У нас сделано всё для того, чтобы самый ограниченный человек мог заниматься наукой. В помощь ему даны отличные технические средства — телефоны, компьютеры, готовые поисковые алгоритмы. Не надо сильно напрягаться, это вредно. Всё должно даваться легко, вести к успеху. И учиться нужно умеренно. Но когда Маршалл Маклюэн в 1960-е гг. разделил медиа на тёплые и холодные, он вооружил нас возможностью понять, что «не так» с невыносимой лёгкостью познания. Когда мы разговариваем, сидя рядом друг с другом, это тёплое общение. Ты должен быть сконцентрирован, должен слушать своего собеседника, должен точно и внятно формулировать свой вопрос. Ты участвуешь в диалоге на сто процентов. А если кто-то тебе по телевидению или в дистанте рассказывает о философии, ты просто так сидишь и слушаешь. Не можешь спросить, выразить эмоцию, если что-то задело. Не можешь ответить на вопрос. Не можешь ничего... Это — холодное общение. Телевидение, связь через социальные сети и проч. при видимой возможности напряжённого общения в реальном времени на самом деле принадлежат области холодных медиа. Пользователь по-настоящему не участвует в их деятельности, он — предмет информационного воздействия. И хотя кажется, что за счёт дистанционных форм общения аудитория философии расширяется, важнее то, что при этом резко схлопывается возможность вести диалог. Диалог, а не его имитацию, где каждый слушает и слышит в основном самого себя.

По интернету, письменно и устно, можно задать много вопросов своим коллегам, которые живут, к примеру, в Англии или в США, или во Франции, а они скажут, ну да, хорошо, но в чём проблема? Они много, очень много знают. Но не чувствуют, в чём

проблема того жизненного мира, в котором находитесь вы. Чем дальше — тем больше провал непонимания. Конечно, винить технологии бессмысленно, развитие цивилизации не остановишь. Но остановиться и задуматься, а что мы делаем, человек вполне может.

Я знаю, что вы учились у известного сербского философа Михайло Марковича. Скажите, что для Вас значит фигура учителя?

Я горжусь, что знал Михаила Марковича. К сожалению, учился я у него совсем немного, но мы дружили. Как греки: я приезжаю к нему, мы немножко выпьем кофе — и разговариваем о философии... Он любил меня, — думаю потому, что другие приезжали к нему разговаривать в основном о политике, а я приезжал разговаривать в основном о философии.

Михайло воевал, потом был капитаном сербской команды шахматной, потом просто стал философом. Учился у сэра Альфреда Айера в Англии, защитил докторскую диссертацию. Его туда направили по просьбе самого Айера. Айер просил: «Пришлите мне того, чья позиция противоположна моей». Прислали Михайло Марковича.

К слову, на Западе ему, как одному из серьёзных политических оппонентов тогдашнего руководства Югославии, предлагали статус диссидента. Он сказал, нет, мне не нужен дом в Америке, я живу тут. Я могу критиковать, но не хочу бросать свою страну. Михайло был не только философом, но патриотом, и много сделал в сербской политической мысли. Он — автор Программы сербской социалистической партии. Интересно, что многие его труды посвящены логике, проблеме объяснения и понимания. И всё это оказалось вписано в научно-организаторскую и политическую активность на родине. При этом Михайло был гуманистом, он был готов заплатить свою цену за участие в политической жизни, но не поуждал к этому других. Любил говорить anything goes и повторял, что нужно искать свет в конце тоннеля — чтобы понимать, куда мы хотим двигаться дальше. Для этого и нужны знания.

Стремиться к Солнцу истины...

Да. Стремиться из чёрной дыры, в которой оказались. Искать истину, а не желать произвести впечатление. Искать интерес, вопрос, не бояться далёких смыслов. Как «Чёрный квадрат» Малевича: человек выходит за рамки природного, ведь квадрата нет в природе, как в природе нет символического языка. Только человек имеет символический язык. Поэтому ИИ нас не победит.

Есть учитель — может возникнуть школа. Возможно ли в наши дни существование философских школ? Или напротив, философ — одиночка, который идёт в народ, разговаривает, разбивает элитарную самовлюблённость университетских сообществ за счёт живого диалога, роста в народе рефлексивного мышления вне всякой школы?

Я искренне думаю, что роль профессора очень важна, потому что университетский преподаватель философии ищет не только любовь к мудрости, он ищет тех, с кем можно этой любовью поделиться, кому о ней можно рассказать. Это бесценно. Философия не делается для себя. Вообще, зачем бы я вам что-то рассказывал, если не хочу именно вам именно это сказать? Я могу сидеть и молчать. Держать в своей голове эти все свои правды и истины, не говорить и не писать. Но писать надо. И не ради (часто) лицемерной наукометрии, такой знаете «радости взаимного цитирования».

Не то, чтобы я был против наукометрии как таковой. Социология науки многое может рассказать о науке, что важно в том числе самой науке. Но наукометрия не может быть целью. Тем более — целью философского исследования. Философия должна быть свободна. В том числе, от забот о том, чтобы кому-то понравиться. Если вы университетский профессор, и ваша мысль там кому-то не нравится, вас выгонят, вы останетесь без работы, будете плохо жить. И чем вы готовы пожертвовать, работой или истиной?

И последний вопрос. Я знаю, что Вы занимаете высокую позицию в государственном руководстве вашей страны. Скажите, если это уместно, Ваше философское «я» присутствует в Вашем «я» министра?

Конечно, да. Если бы это было не так, это бы значило, что я какой-то шизофреник. Но я думаю, что у меня есть психофизическое единство. Так что не могу только быть министром, ведь я всю жизнь занимался философией.

Вы знаете, я пришёл к философии из естествознания. Но философия — это моё, моя страсть. Я верю, что люди будут читать, будут знать. Для меня это абсолютно важно. Без философии мир невозможен. Хорошо бы, чтобы эту точку зрения удалось довести до тех, кто руководит нашим образованием.

Философия может изменить мир?

Она всегда так и делала.

Информация об авторе

Борис Братина — доктор философии, профессор, министр информации и телекоммуникаций Сербии (с 16 апреля 2025), Министарство информисања и телекомуникација, Париска 7, 11000 Београд (Сербия)

Information about the author

Boris Bratina — Doctor of Philosophy, Professor, Minister of Information and Telecommunications (since 16 April 2025), 7, Pariska Beograd, Republika Srbija, 11000 (Serbia)